

УДК 821.111-311.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
Т56

Серия «Эксклюзивная классика»

Hunter Thompson
FEAR AND LOATHING IN LAS VEGAS

Печатается с разрешения The Gonzo Trust
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Перевод с английского А. Керви

Серийное оформление Е. Ферез

Книга содержит нецензурную брань

Томпсон, Хантер С.

Т56 Страх и отвращение в Лас-Вегасе: [роман] / Хантер С. Томпсон; [пер. с англ. А. Керви]. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 318, [2] с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-085162-1

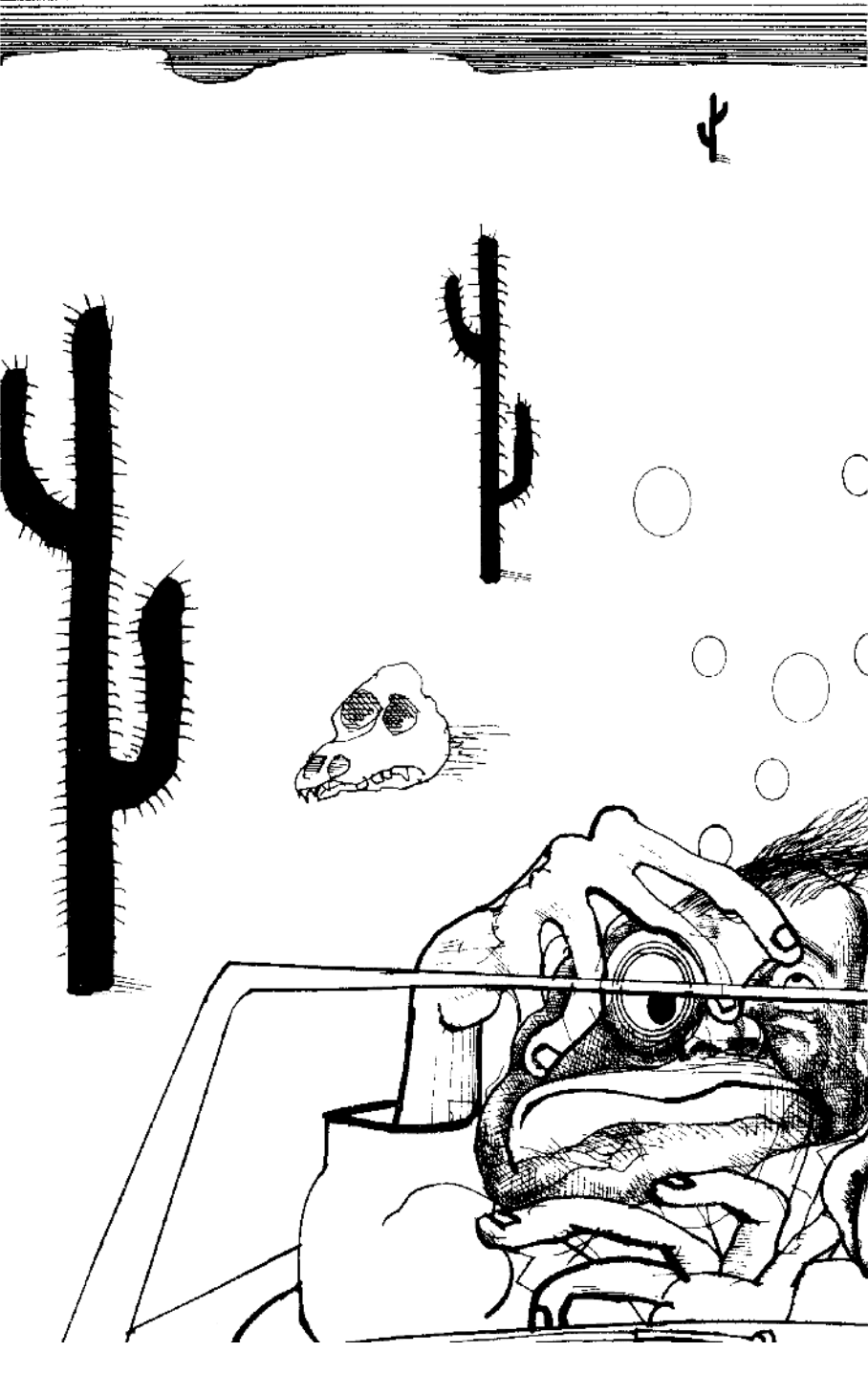
«Страх и отвращение в Лас-Вегасе» — одна из самых скандальных книг второй половины XX века. Книга, которую осуждали и запрещали. Книга, которой зачитывались и восхищались. Книга, в которой само понятие «Американской мечты» перевернуто с ног на голову, в котором видения и галлюцинации становятся реальностью, а действительность напоминает кошмарный сон.

УДК 821.111-311.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

© The Estate of Hunter S. Thompson, 1971
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Посвящается Бобу Гейгеру по
причинам, которых не стоит здесь
объяснять, — и Бобу Дилану

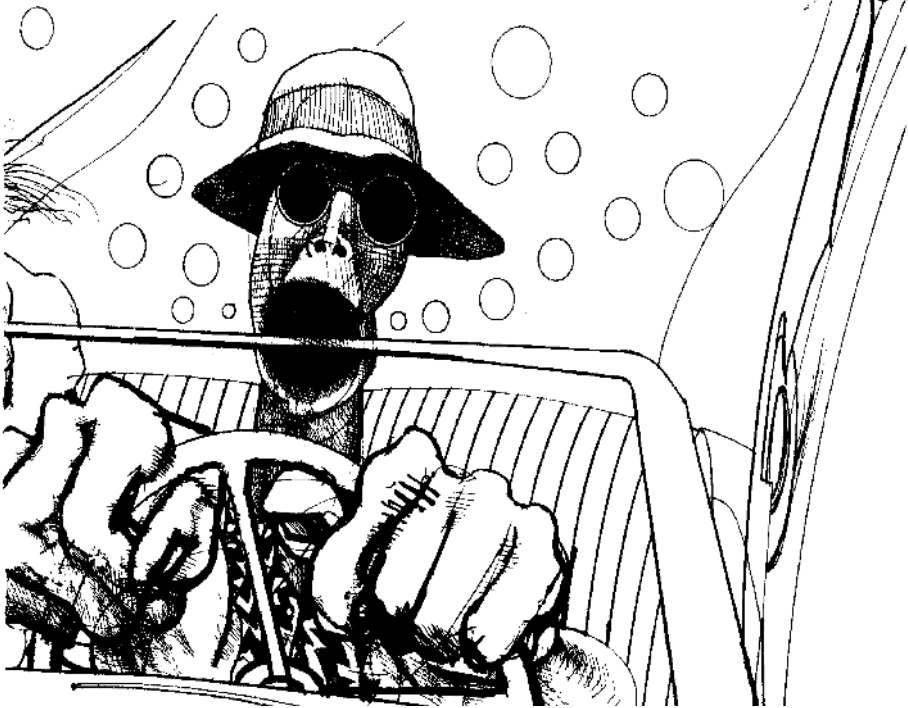
за Mister Tambourine Man

†

СТРАХ И ОТВРАЩЕНИЕ В ЛАС-ВЕГАСЕ

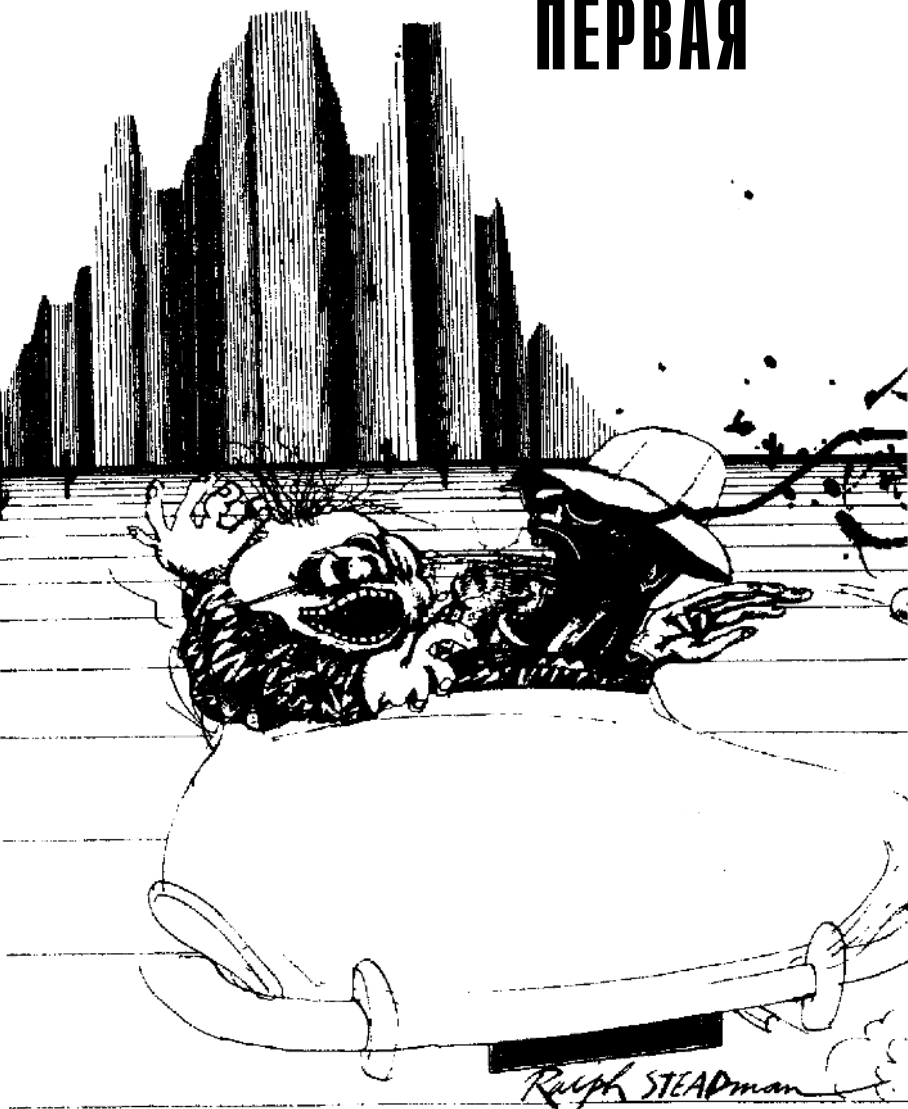
Дикое Путешествие
В Сердце Американской Мечты

Тот, кто становится зверем,
избавляется от боли быть чело-
веком...

Доктор Джонсон

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Мы были где-то на краю пустыни, неподалеку от Барстоу, когда нас стало накрывать. Помню, промямлил что-то типа: «Чувствую, меня немного колбасит; может, ты поведешь?..» И неожиданно со всех сторон раздались жуткие вопли, и небо заполнили какие-то хряки, похожие на огромных летучих мышей, ринулись вниз, визгливо пища, пикируя на машину, несущуюся на пределе ста миль в час прямо в Лас-Вегас. И чей-то голос возопил: «Господи Иисусе! Да откуда взялись эти чертовы твари?»

Затем все снова стихло. Мой адвокат снял свою рубашку и лил пиво себе на грудь — для лучшего загара. «Какого хрена ты так орешь?» — пробормотал он, уставившись на солнце с закрытыми глазами, спрятанными за круглыми испанскими темными очками. «Не бери в голову, — сказал я. —

Твоя очередь вести». И, нажав на тормоза, стопанул Великую Красную Акулу на обочине хайвея. «Без мазы упоминать об этих летучих мышах, — подумал я. — Бедный ублюдок довольно скоро сам увидит их во плоти».

Уже почти полдень, а нам все еще оставалось проехать более сотни миль. Суровых миль. Я знал — времени в обрез, нас обоих в момент растащит так, что небесам станет жарко. Но пути назад не было, как и времени на отдых. Выпутаемся на ходу. Регистрация прессы на легендарную «Минт 400» идет полным ходом, и нам нужно успеть к четырем, чтобы потребовать наш звуконепроницаемый номер люкс. Модный спортивный нью-йоркский журнал позаботился о брони, не считая этого большого красного «шевро» с открытым верхом, который мы взяли напрокат с парковки на бульваре Сансет... А я, помимо прочего, — профессиональный журналист: так что у меня было обязательство *представить репортаж с места событий*, живым или мертвым. Спортивные редакторы выдали мне наличными триста баксов, большая часть которых была сразу же потрачена на «опаснейшие» вещества. Багажник нашей машины напоминал передвижную полицейскую нарколабораторию. У нас в распоряжении оказалось две сумки травы, семьдесят пять шариков мескалина, пять полос промокашек лютой кислоты, солонка с дырочками, полная кокаина, и целый межгалактический парад

планет всяких стимуляторов, транков, визгунов, хохотунов... а также кварта текилы, кварта рома, ящик «Бадвайзера», пинта сырого эфира и две дюжины амила.

Вся эта хренотень была зацеплена предыдущей ночью, в безумии скоростной гонки по всему округу Лос-Анджелеса — от Топанги до Уоттса — мы хватали все, что попадалось под руку. Не то чтобы нам все это было *нужно* для поездки и отрыва, но как только ты по уши вязнешь в серьезной химической коллекции, сразу появляется желание толкнуть ее ко всем чертям.

Меня беспокоила всего лишь одна вещь — эфир. Ничто в мире не бывает менее беспомощным, безответственным и порочным, чем человек в пропасти эфирного запоя. И я знал, мы очень скоро дорвемся до этого гнилого продукта. Вероятно, на следующей бензоколонке. Мы по достоинству оценили почти все остальное, а сейчас — да, настало время изрядно хлебнуть эфира. А затем сделать следующие сто миль в отвратительном слюнотечении спастического ступора. Единственный способ оставаться бдительным под эфиром: принять на грудь как можно больше амила — не все сразу, а по частям, ровно столько, сколько бы хватило, чтобы сохранять фокусировку на скорости девяносто миль в час через Барстоу.

«Старый, вот так и надо путешествовать», — заметил мой адвокат. Он весь изогнулся, врубая на

полную громкость радио, гудя в такт ритм-секции и вымучивая слова плаксивым голосом: «Одна затычка унесет тебя. Дорогой Иисус... Одна затычка унесет тебя...»

Одна затычка? Ах ты, бедный дурак! Подожди, пока не увидишь этих блядских летучих мышей. Я едва мог слышать радио, с шумом привалившись к дверце в обнимку с магнитофоном, игравшим все время «Симпатию к дьяволу». У нас была только одна эта кассета, и мы непрерывно ее проигрывали, раз за разом — сумасшедший контрапункт радио, а также поддерживая наш ритм на дороге. Постоянная скорость хороша для грамотного расхода бензина во время пробега, — а по каким-то причинам тогда это казалось важным. Разумеется. В такой, с позволения сказать, поездке каждый должен внимательно следить за расходом бензина. Избегай резких ускорений и рывков, от которых кровь стынет в жилах.

Мой адвокат давно уже, в отличие от меня, заметил хитчхайкера. «Давай-ка подбросим парнишку», — проговорил он и, до того, как я успел выдвинуть какой-либо аргумент за или против, остановился, а этот несчастный оклахомский мудвин уже бежал со всех ног к машине, улыбаясь во весь рот и крича: «Черт возьми! Я никогда еще не ездил в тачке с открытым верхом!»

— Что, правда? — спросил я. — Ладно, я полагаю, ты уже созрел для этого, а?

Парень нетерпеливо кивнул, и Акула, взревев, помчалась дальше в облаке пыли.

— Мы — твои друзья, — сказал мой адвокат. — Мы не похожи на остальных.

«О Боже, — подумал я, — он едва вписался в поворот».

— Кончай этот базар, — резко оборвал я адвоката. — Или наложу на тебя пиявок».

Он ухмыльнулся, похоже, въехав. К счастью, шум в тачке был настолько ужасен, — свистел ветер, орало радио и магнитофон — что парень, развалившийся на заднем сиденье, не мог ни слова слышать из того, о чем мы говорили. Или все-таки мог?

«Сколько мы еще *продержимся?*» — дивился я. Сколько еще времени осталось до того момента, когда кто-нибудь из нас в бреду не спустит всех собак на этого мальчика? Что он тогда подумает? Эта самая одинокая пустыня была последним известным домом семьи Мэнсона*. Проведет ли он эту неумолимую параллель, когда мой адвокат станет вопить о летучих мышах и громадных скатах-манта, обрушивающихся сверху на машину? Если так — хорошо, нам просто придется отрезать ему

* Чарльз Мэнсон (род. 12.11.34) — «военнопленный Системы» за убийство Тейт — ЛаБианки, которое осуществили члены его «семьи», приговорен к пожизненному заключению. Поэт и музыкант. Одна из самых культовых фигур в американской контркультуре, чей образ оказал колоссальное влияние на современных музыкантов.

голову и где-нибудь закопать. И ежу понятно, что мы не можем дать парню спокойно уйти. Он тут же настучит в контору каких-нибудь нацистов, следящих за соблюдением закона в этой пустынной местности, и они настигнут нас, как гончие псы загнанного зверя.

Бог мой! Неужели я это сказал? Или только подумал? Говорил ли я? Слышали они меня? Я опасно бросил взгляд на своего адвоката, но он, казалось, не обращал на меня ни малейшего внимания — наблюдал за дорогой, ведя нашу Великую Красную Акулу на скорости в сто десять или около того. И ни звука с заднего сиденья.

«Может, мне лучше перетереть с этим мальчиком?» — подумал я. Возможно, если я *объясню* ситуацию, он слегка расслабится.

Конечно. Я повернулся на сиденье и одарил его широкой приятной улыбкой... восхищаясь формой его черепа.

— Между прочим, — сказал я, — есть одна штука, которую ты, судя по всему, должен понять.

Он уставился на меня, не мигая. Заскрежетал зубами?

— Ты слышишь меня? — заорал я.

Он кивнул.

— Это хорошо. Потому что я хочу, чтобы ты знал: мы на пути в Лас-Вегас в поисках Американской Мечты.

